

НЕТО-КРАТИЯ ИЛИ НОВЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ? НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ФЕНОМЕНОМ ВЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Муза Д.Е.

Донецкий национальный технический университет

кафедра философии

E-mail: dmuza@mail.ru

Аннотация

Муза Д.Е. Нето-кратия или новый тоталитаризм? Некоторые наблюдения над феноменом власти в информационном обществе. Проанализирован феномен власти в информационном обществе. Показан негативный характер нетократической власти, который проявляется в руководстве политическим шоу, манипуляции общественным сознанием, управлением массовым потреблением, а также новом варианте социальной дифференциации.

Общая постановка проблемы. Социально-философские дискуссии об информационном обществе (information society), его онтологической структуре, границах и векторе развития, всё чаще актуализируют кратологическую тему. Причем, она формулируется и рассматривается в разных и подчас взаимоисключающих контекстах. В их число входят: имперский (М.Хардт, А.Негри), трансцендентально-прагматический и коммуникативно-этический (К.-О.Аппель, Ю.Хабермас), гражданско-политический (О.Хьюффе, П.Козловски), образовательный и антропологический (Й.Масуда, Ж.Бодрийяр, В.Кутырев), экономический (М.Ольсон), и собственно информационный контексты (Б.Гейтс). Но как показывает знакомство с содержанием указанных позиций, властные притязания и их инструментализация интерпретируются без максимального учета социально-онтологических предпосылок. Одной из них, по мнению М.Г.Делягина, является абсолютизация коммуникативных мотиваций, которая иллюстрируется вопиющей безграмотностью, ограниченностью всех субъектов общества нового типа. Властные притязания здесь распространяются на «информационный» и на физический миры, но компетентность Нето-кратии априорно ограничена только информационной реальностью [1, с.62]. Но так ли это на самом деле, в свете новых революций в арабском мире, где эта власть оставила свои следы?

Цель – обрисовать специфику и выявить функции власти в информационном обществе. При этом данные функции будут восприниматься как заведомо проблематичные.

Для реализации этого замысла нужно исходить из того, что сетевая онтология может быть представлена либо в виде принципиальной социальной новации, либо модификации индустриальных социальных тел. При этом первая позиция представлена постиндустриальной парадигмой (Д.Белл и его последователи), дискурсами постмодерна (Ж.Бодрийяр, М.Постер), теорией гибкой специализации (М.Пайор, Ч.Сейбл, Л.Хиршхорн), а также концептом информационного способа развития (М.Кастельс); вторая, соответственно, неомарксизмом (Г.Шиллер), регуляционной теорией (М.Альетта, А.Липиц) и теорией гибкой аккумуляции (Д.Харви), аналитикой публичной сферы (Ю.Хабермас, Н.Гарнем) и теорией рефлексивной модернизации (Э.Гидденс). Тот же дуализм просматривается в политологической, экономической и культурологической литературе, где акцентированы структурные изменения социальной онтологии и праксеологии в пользу сети и формирования «электронного стада».

Современное макросоциологическое и философско-историческое теоретизирование пока только оконтуривает проблемное поле, связанное с генезисом и оформлением новой

социальной онтологии, приходящей на смену онтологии индустриального и аграрного типов обществ, умозрительно расположенных на одной оси истории. Правда, переход от «второй» волны к «третьей» артикулируются через революционные изменения. Такое размежевание, заметим, просматривается у большинства теоретиков информационного (постиндустриального) общества. Например, М.Кастельс указывает: «На протяжении большей части истории человечества – в отличие от биологической эволюции – сети как инструмент посредничества уступали организациям, способным концентрировать ресурсы вокруг централизованно определенных целей, достигавшихся в результате реализации задач на основе рационализированных вертикальных цепочек управления и контроля. Сети главным образом являлись «заповедником» частной жизни, в то время как централизованные иерархические структуры были «вотчиной» власти и производства. Однако теперь сетям предоставляется возможность продемонстрировать присущую им гибкость и адаптируемость и тем самым подтвердить свою эволюционную сущность. В то же самое время эти технологии позволяют осуществлять координацию задач и комплексное управление» [2, с.14]. В этом наблюдении просматривается любопытное противопоставление (якобы) незволюционной сущности иерархических структур и эволюционной сущности сети. Противопоставление межэпохального, качественно-исторического характера.

Согласно М.Кастельсу не только и не столько неэффективность и негибкость при принятии решений имевшая место в иерархических моделях – дискредитировали её, напротив, развитие структуры и ресурсов сети открыли и перманентно открывают новые перспективы и ресурсы индивидуальной экзистенции, межличностной коммуникации и социально-экономических практик. Проще говоря, социальная онтология общества Модерна радикализована в направлении выявления нового основания институциональных и ценностных перспектив, социальных инициатив и индивидуальных свобод. Не даром американский аналитик заводит речь то о «сетевых предприятиях», то об «электронном капитале», то об «электронной агоре», то о «цифровой культуре Амстердама», то о «глобальном гражданском обществе» ... Все эти новые элементы, включая алогизм роста мегаполисов, похоже, и конституируют «сетевое общество» с его (якобы) горизонтальными двойными связями, принципиально отличными от вертикально-связующих аграрный и индустриальный типы обществ, производственных и коммуникативных нитей.

Заметим, на неудачах иерархий и преимуществах новых вариантов сети в своё время строил свою аргументацию американский социолог Дж.Нейсбит [3, с.271-293]. Причем именно сеть, а не традиционная семья, церковь или соседство могут «удовлетворить человеческую потребность принадлежать к какому-то коллективу» [3, с.283]. Кроме того, подчеркнутый «эгалитаризм» сетей делает их более современными и продуктивными, нежели конструкции иерархий, выстроенных, как правило, по элитарному признаку. Выравнивание знаний, объективных антрополого-социальных различий, политических и культурных уровней – перед лицом сети, кажется несомненным благом. Тем не менее, в одной из своих последних работ Ал Гор, с большой долей озабоченности, пишет о судьбе демократии в нынешней Америке. Её состояние он оценивает как неудовлетворительное, в том числе из-за блокирования властными и финансовыми кругами администрации Дж.Буш-мл. «публичного форума» [4, с. 123 - 125]. Напротив, «возрождение демократии» может быть обеспечено Интернетом и его ресурсами. После прихода к власти Б.Обамы ситуация начала меняться. Но настолько, чтобы удовлетворять требованиям вождя демократии?

По нашему мнению в сетевом онтологическом дискурсе скрывается проблема, которую не берутся обсуждать указанные авторы в полном объеме. Речь идет о проблеме скрытого присутствия иерархии в сетевой структуре, причем в виде функционально-управленческих блоков с определенным самополаганием высших ступеней иерархии за счет низших, а также миссией регулирования сетевого «вещества» представителями киберэлит. Так, сам М.Кастельс обрисовывает культуру Интернета и субъектов этой культуры как

четырёхслойную структуру: 1) техномеритократов и их культуру; 2) хакеров с присущей им особой культурой; 3) виртуальную общину и их культурную жизнь; и наконец, 4) предпринимателей и предпринимательскую культуру. При этом небезынтересна следующая констатация: «Исторически Интернет создавался в академических кругах и обслуживающих их научно-исследовательских подразделениях, на профессорских «командных высотах» и в аспирантских «окопах», откуда соответствующие ценности, обычаи и знания проникли в культуру хакеров» [2, с.57]. И далее ниже по иерархии... Но спрашивается: дает ли сетевая иерархия возможность перемещения на «лифтах» вертикальной мобильности или её верхний этаж закрыт даже для предпринимателей с их финансовыми возможностями? И ещё: обеспечивает ли сеть своей ризомно расширяющейся горизонталью подлинно гуманные и демократичные отношения внутри самой сети, а также между сетью и сохранившимися структурами аграрных и индустриальных обществ?

В своё время Й.Масуда пророчил приход «глобального гражданского сообщества» в котором простые граждане выступают главными компонентами, и в котором «автономность и независимость перебивают у гармонии с упорядочиванием коллективу» [5, с.358]. Но такое сообщество пока не создано и на его пути есть серьезные препятствия, свидетельством чему – «Декларация независимости киберпространства» Джона П. Барлоу. Более того, этот документ, адресованный «правительствам индустриального мира», содержит следующую инвективу: «Истинную силу правительствам даёт согласие тех, кем они правят. Нашего согласия вы не спрашивали и не получали. Мы не приглашали вас... Киберпространство лежит вне ваших границ... Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам неприменимы... В Китае, Германии, Франции, России, Сингапуре, Италии и Соединенных штатах вы пытаетесь установить информационный карантин, дабы предотвратить распространения вируса свободомыслия, воздвигнув заставы на рубежах Киберпространства» [6, с.349-350, 351-352]. По сути, в нем констатируется реальный внутрисоциальный конфликт, имеющий онтологическую и ценностную компоненты. Содержательно он затрагивает мировоззренческие основания происходящих трансформаций и нуждается в корректной философской интерпретации.

Таковую, на наш взгляд, недавно предложили шведские авторы А.Бард и Я.Зодерквист. На первый взгляд в их версии исторического процесса все стандартно. В ней есть место тому же феодальному (традиционному) обществу, построенному на альянсе монархии и аристократии, скрепленному церковью и защищаемому армией. В ней есть место капиталистическому обществу, созданному буржуазией (и для буржуазии) посредством соответствующей идеологии, перманентно усиливаемое технологическими новациями, «проповедью» науки, регулируемое институтами парламентаризма и образования, но имеющее капитал в качестве «священного орудия власти». Наконец, в ней создан набросок конституирующегося на наших глазах информационного, точнее, нетократического общества. Его европейская география – суть пояс городов от Лондона на северо-западе до Милана на юго-востоке, отдаленно напоминающий Ганзейский союз. Его философия – это *мобилизм*, порождающий и утверждающий «воздух свободы», в противовес *тотализму*, культивирующему утопию как «достижимый и желательный проект».

Данное противопоставление, подчеркну, имеет принципиальное значение для интерпретации проблемы власти. Тем более, в условиях нарастающей глобальной проблематики (экологических и экономических, демографических и миграционных, правовых и управленческих проблем).

В информационном обществе, как считают эти теоретики, наиболее важным «мемом» будет «портал власти», или связующее звено всеобъемлющей сети. Вокруг него и формируется Нетократия [7, с.58]. Причем, формируется так, что прежние опыты демократического принятия решений объявлены «ностальгической диковинкой». Так демократия объявляется утопией, а провозглашение плюархии выглядит декларативно

(«плюрархия есть политическая система, при которой каждый отдельный участник решает сам за себя, но не имеет способности и возможности принимать решения за других» [7, с.84]). В свою очередь, по мнению нетократов-мобилистов, их деятельность должна быть подчинена единственно оправданной цели – «вытащить на свет и обезвредить любые попытки оправдания иерархии» [7, с.113], т.е. любых форм авторитаризма и тоталитаризма. Но спрашивается: какова в таком случае природа власти нетократов?

Текст шведских интеллектуалов дает однозначный ответ. Он касается как субъектов прошлой власти, так и их собственной, нетократической. В первом случае, «единственная уцелевшая функция политиков, – пишут они, – будет чисто церемониальной: принимать участие в телевизионных шоу, ставить подписи под документами, которые они часто не писали, но даже и не понимают на уровне большем, нежели громкие лозунги» [7, с.82]. А может ли быть иначе, если Нетократия лишь использует громкие имена для оглашения решений, которые были приняты в закрытых Нетоклубах? Наверное нет, поскольку их откровенная риторика однозначна: «Политические решения более не принимаются посредством выборов, ни в парламенте, ни даже через интернет-референдум, но исключительно членами закрытых сетей, которые, как члены средневековых гильдий, выбираются из среды себе подобных по уровню влияния» [7, с.85]. Так рождается новый политический театр с нетократией в главной роли.

Спрашивается, каков же главный критерий отбора в нетократию? Ответ здесь достаточно прост: «решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой иерархии, служит его или её привлекательность для сети, то есть способность адсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать внимание к себе и ценной информации» [7, с.124]. Тем самым, перед нами не только секретность, но и эксклюзивность новой власти, к тому же формирующейся по иерархическому принципу. Он представлен нетократами, кураторами (вместо политиков), нексиалистами (вместо предпринимателей) и этерналистами (вместо ученых). Они то и управляют по настоящему миром.

Подобные выкладки весьма ценны на фоне событий в Тунисе, Египте, Йемене, Бахрейне, Ливии... Конечно, эти события можно истолковать по-разному, в зависимости от когнитивной фокусировки и политической ангажированности. Но они имеют не только фактуру, но и режиссуру, весьма напоминающую режиссуру нетократов. Между прочим, их основная забота состоит в том, чтобы сделать всё так, чтобы «всё происходящее (в мире – Д.М.) перемены выглядели «естественными» [7, с.85]. Кроме того, такие «естественные перемены» затрагивают жизнь того социального класса, который приходит на смену «рабочему классу» индустриального социума, и который удачно назван А.Бардом и Я.Зодерквистом – «консьюмтариатом».

Нисколько не скрывая своих намерений, они утверждают, что нетократия должна управлять «низшим классом, манипулируя тем, что можно назвать потребляющей деятельностью консьюмтариата, деятельностью, вызванной желаниями» [7, с.147]. Умело используя схему: реклама + потребитель = желание, можно решить две задачи: привязать консьюмтариат к наркотическому потреблению; и тем самым, дистанцироваться от него. На этом пути должны быть отброшены любые институты, содержащие гуманистический принцип, не говоря уже о нем самом. Напротив, в духе идей Ч.Дарвина и Ф.Ницше это общество просто обязано пройти сквозь «естественный отбор» и сформировать нетократическую наследственность. Она – не чета прежним формам социального воспроизводства (семья, трудовые коллективы), тормозящих развитие как таковое. Всё это нуждается в одной важной поправке: отбор будет контролируем, но не большинством, а «нетократическими дивидуалами».

Этот антропологический ракурс также ценен для понимания всего нетократического проекта. Хочу заметить, что формализация наличного антропологического сюжета удачно проделана А.Г.Дугиным. Диагностируя нынешний постлиберально/ постмодернистский

гротеск, он показал, что «дивидуум», или случайное игровое сочетание частей человека (его органов, его клонов, его симулякров – вплоть до киборгов и мутантов), выступает сегодня мерой вещей. То же у А.Барда и Я.Зодерквиста, указывающих, что в информационном обществе «развитие личности идет по пути реализации всех возможных состояний человека делимого, создания прагматичного союза различных темпераментов и черт характера». И далее, самое интересное: «шизофреническая, калейдоскопическая личность... становится достойным подражания параметром, поскольку она функциональна» [7, с.206]. Но этот прагматический союз будут создавать именно нетократы, главная цель которых – замена сетью человека в качестве великого общественного проекта, – не выглядит шизофренически.

Перед нами не только манипулятивные процедуры, но и возможно, рождение новой, информационной разновидности тоталитаризма. Во-первых, нетократическая сетевая власть не обеспечивает ту «меру свободы» (Ж.-Л.Нанси), которую несли в себе иерархические структуры прежних обществ; во-вторых, она выводит из игры человека, заменяя его шизиком и предоставляя ему иные, не гуманные правила игры; в-третьих, она искусственно создает консьюмтариат, участь которого – жить в мире репрессированной чувственности и иллюзорных желаний. Но эти вопросы не интересуют сторонников «технократической веры в прогресс человечества под воздействием техники» (М.Кастельс). Однако вспомним, что уже Ж.-П.Сартр догадался: человеческая субъективность в своих неадекватных установках – источник нигитологии и нигитопрактики..

Конечно, столь ригидные оценки может и преждевременны, но сама «нетократическая глобализация» дальше не может идти вслепую. Наоборот, её иррациональные фигуры, возникающие из-за нацеленности на мобильность и разнообразие, просто нуждаются в таком «перспективизме» (Ф.Ницше), который бы взыскивал ценностных привязок. Ценность изменения самого по себе, его сетевая аутентичность, которую провозглашают нетократы, не может быть признана удовлетворительной, как не могут выступать сеть и дивидуум мерой природных и социальных вещей. Поэтому, вопрос о нетократической власти остается открытым, и прежде всего для его ценностной рефлексии. Последняя не может не учитывать «ландшафта разрушения и катастрофы» (Дж.Зерзан).

Выводы. Обрисованная специфика и описанные функции нетократической власти свидетельствуют не только о новых проблемных узлах, но прежде всего о кризисе системы управления социальными процессами. По нашему мнению, глобальное гражданское общество не состоялось по причине дисфункции власти в физическом мире. Мобилизм оказался банкротом перед лицом многих глобальных проблем, главная из которых – адекватность новой власти «вызовам» настоящего и будущего.

Литература:

1. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис/ М.Г. Делягин. – М.: Вече, 2008. – 528 с.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе/ М.Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
3. Нейсбит Дж. Мегатренды/ Дж.Нейсбит. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с.
4. Гор А. Атака на разум/ А.Гор. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – 478 с.
5. Масуда Й. Гипотеза про генезис Homo intellegens / Й.Масуда // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія: Навч. посібник. – К.: Либідь, 1996. – С. 335 – 361.
6. Барлоу Дж.П. Декларация независимости киберпространства/ Дж.П. Барлоу // Информационное общество: Сб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С. 349 – 352.
7. Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма/ А.Бард, Я.Зодерквист. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.